

BOSCO
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР

sochi.ru
2014

За вашу и вашу победу

Высокопоставленные болельщики приняли поздравления от друзей и партнеров

bosco-драйв

ЕВГЕНИЯ МИЛОВА

Ближе к церемонии закрытия Олимпийских игр выдающихся болельщиков уже мало что отвлекло от вечеринок в Bosco-доме. В том смысле, что хоккейное поражение как-то все-таки пришлось пережить, а в остальном олимпийская сборная России уже выступала так хорошо, как от нее и не ждали. В вечер триумфа Виктора Ана и его команды члены Bosco Family едва ли не на руках качали президента Союза конькобежцев России Алексея Кравцова и его супругу Юлию Бордовских они это, бесспорно, заслужили. А заместитель главы Роспечати Владимир Григорьев просто на правах тезки принимал тосты в честь Григорьева-конькобежца, завоевавшего в Сочи золото (в команде эстафеты) и серебро. С подробностями — корреспондент «Коммерсантъ-BoscoSport» ЕВГЕНИЯ МИЛОВА.

Пока россияне досматривали соревнования по шорт-треку (на кону было золото, так что трансляция была включена и в каминном зале ресторана «Чайка», и в большом зале Морвокзала, где все эти дни снимали программу «Вечерний Ургант»), гражданин Латвии и всеобщий друг Алекс Дубас с супругой Лисой отмечали закрытие Латвийского дома. Он располагался в ресторане отеля «Radisson SAS Лазурная», был единственным национальным домом, где были рады всем гостям, и закрылся концертом Лаймы Вайкуле, после того как латышский хоккеист хотя и уступил канадскому, но с большим достоинством. На выступление самой большой в глазах россиян звезды Латвии прибыл мэр Сочи Анатолий Пахомов — большой ее поклонник. Впрочем, танцы на столах начались уже после его ухода. В общем, все то время, что господин Дубас приходилось одновременно быть лицом Дома Латвии и вести эфиры «Серебряного дождя» из студии, расположенной в Bosco-доме, он чувствовал себя перебежчиком, и вот наконец-то двойная жизнь закончилась, чему радиоведущий был очень рад, вручая друзьям и знакомым «Рижский балзам» и конфеты.

Однако же основные силы довольных гостей приехали в Bosco-дом уже

Отпраздновать победы России на Играх пришли Сергей Приходько с семьей (вверху), Ольга Плешакова (справа) и Владимир Мединский (на фото слева с управляющим директором ГУМА Теймуразом Гугуберидзе) ФОТО BOSCO MEDIA

в разгар выступления «Сюткин-банда». Сначала прошел слух, будто в гости едет глава Сбербанка Герман Греф с первым зампредом правления Львом Хасисом и гендиректором «Трансаэро» Ольгой Плешаковой. Далее данные обновилась, и господина Грефа ждать перестали — он передал, что госпожа Плешакова куда-то потерялась и, в общем, он не приедет. Спустя четверть часа госпожа Плешакова сидела на одном из диванов лаундж-зоны Bosco-дома, без господина Грефа. В общем, но в Сочи по-прежнему темные, даже в свете Олимпийского огня. Ольга Плешакова, в отличие от всех остальных, была одета не в Bosco Sport, зато она так ловко сочетала белые сапоги, юбку и водолазку с синим, лисьего меха, жилетом и так приветливо улыбаясь знакомым, что была очень похожа на олимпийский талисман.

Тут из Олимпийского парка прибыла целая делегация друзей: прези-

дент Федерации фристайла и Ассоциации лыжных видов спорта России Андрей Бокарев, вице-премьер и руководитель аппарата правительства Сергей Приходько, министр культуры Владимир Мединский, еще один министр Михаил Абызов и заместитель руководителя Роспечати Владимир Григорьев. Было заметно, что господин Бокарев буквально только спустился с гор — на время Олимпиады он остановился во владениях Владимира Потанина, — некоторое время он пытался сориентироваться в пространствах Морвокзала, но накоплен в переполненной «Чайке» для их компании нашелся стол. «Ребята, передайте мне кошелечек жены, — указал он на полноразмерную Hermès Birkin, — тут место явно непростое». Впрочем, почти тут же выяснилось, что все предыдущие дни винная карта пользовалась таким стабильным спросом, что к его приходу осталось уже немного.

Все-таки друзья смогли получить бутылку красного, белого и почему-то еще богато изданную книжку «Иван Поддубный». «Первый тост за Григорьева! Что бы мы без этих Григорьевых делали!» — господин Бокарев взял на себя роль тамады.

Вскоре за стол, который занимали гендиректор СИБУРа Владимир Конов, глава «Газпромнефти» Александр Дюков и член совета директоров М2М Private Bank Кирилл Якубовский, пришли Алексей Кравцов и Юлия Бордовских. По всеобщему убеждению, до того как господин Кравцов возглавил отечественный Союз конькобежцев, этот пациент (конькобежное движение России) был скорее мертв, чем жив. И вот теперь, с Виктором Аном, три золотые медали. Все гости «Чайки» вскочили и принялись скандировать «Мо-ло-д-цы!».

Так обычно здесь поступали только со спортсменами.

И отстали остальные корабли, мы первые.

Грустно, что это путешествие в один конец. Все члены экипажа останутся там, на Олимпе, на Марсе, навсегда. Возделывать планету, добывать кислород, разбивать огороды, чтобы сюда не боялись лететь новые экипажи.

Время только вперед, по прямой, ничего не повторяется и не возвращается.

Да, согласен, замысловатая и не очень корректная метафора. Но разве не похожа наша нынешняя команда на первопроходцев, пионеров? Не они ли раздвинули горизонты и научно доказали, что мы первые на Марсе? Не американцы, не норвежцы и даже не немцы (китайцы вообще провалили свою космическую программу) — мы.

И разве они не звезды?

И разве после этого не лучше станет жить на Земле?

Ну, или хотя бы на Марсе.

...Посмотрите на небо как-нибудь после, через пару недель после закрытия, в марте. Сквозь московские облака и снежок заметно: что-то изменилось там, на небе, что-то хорошее произошло очень, очень высоко.

И грустно, потому что мы-то все на Земле остались. Почти все.

ОЛИМППОЭЗИЯ

АНДРЕЙ ОРЛОВ
(ОРЛУША)

СОЧИНИЕНИЯ

ГЛАВА 23

Чемодан—вокзал—Чикаго!

Ну что, опять

к стихам готовы?

На месте бывшего «Тинькова»

На набережной есть кабак.

Вы, если не совсем дурак,

Сюда на завтрак приходите

И, кстати, милости не ждите.

Их нам природа не даёт!

Вот, например,

Он — русский,

значит, пьёт не мало,

И мой стишок

про «задолбало»

Всосал в себя его айфон.

Так вот, идёт с похмелья он,

Простой врачикша из Чикаго,

И видно,

парень с каждым шагом

Задумчиво осознаёт,

Что жизнь, похоже, зря идёт,

Что олимпийский рок

жестокий

Его забросил в караоке,

Где были Ксения и Настя,

Но на моё, поэта, счастье

Заснул наш друг-американос.

А нам-то — пофиг, не вопрос,

Мы, глядя в адлерские глазки,

Дарили, как умели, ласки,

Я что-то громкое орал,

Уже под утро на орал

Мы все мечи перековали,

Мы были... объясню едва ли...

Как та Вучетича статуя!

Пел даже песни из «Тату» я.

Со мной был мрачный

Помогайкин,

Он говорил:

«Пожалуй, гайки

Я б в биатлоне закрутил!

Вот если я бы им платил...

Смотреть на это силы нету.

Как Прохоров бодягу эту

Размутит? Он даёт бабло,

А нам — опять не повезло.

За эти в еврах миллионы

И мы бы стали чемпионы,

А тут медалей нет и близко,

А Прохор,

Мишка олимпийский,

Наш биатлонный талисман,

Всех подсадил

на свой карман».

Вот как, скажи, оспорить это?

Но тут включают эстафету,

Мелькают лыжи,

свищут пули,

Устюгов, Волков и Шипулин...

«На ноль! Малышко! Погоди...

Похоже, наши — впереди...

Вперёд, ребята, ждём медали!

Нам пофиг этот их

Бьорндален,

Держать!!!

Антон, хороший темп!

Теперь один соперник —

Шемп...

Ну обходи уже, Антошка!

Терпеть! Держи!

Ещё немножко!

Ушёл! Есть силы,

есть просвет!

Четыре сбоку, ваших — нет!

Все знают от детей до деда —

Для нас над немцами победа

Важна ещё с времён

былинные,

И, как на танке до Берлина,

Домчали наши чемпионы

Под бурный

рокот стадиона.

Но это — там, а мы-то — в баре,

Нам где-то рядом раков варят,

Сидят швейцарцы через стол,

Мой афрорусский друг зашёл,

Нейл Смит,

с губой вчера разбитой.

Он выпивает деловито,

Идёт оплата картой VISA

И текст: «Какие же сюрпризы

Порой несёт Олимпиада!

Ведь это же придумать надо,

Чтоб из Челябинска Валера,

Забыв про добрые манеры,

Мне дал не кисло по губе.

Да это — ни фиги себе,

Чтоб вместо пить-гулять

с тобою

Я ездил в морг снимать побои.

Нет, это просто не о'кей.

Переключайте на хоккей!»

Включаем, нравится картина:

Американцев давят финны,

Кабак поёт: «Какая боль!»,

Завидев гордый счёт 5:0.

Пиджак,

пошитый Хуго Боссом:

— Хоть финик отомстил

пиндосам!

Его подружка с сумкой Birkin:

— Вратарь у Штатов —

чисто дырка!

Хочодем стоя. На экране

Американцы в «Ральф Лоране»

Сидят без песен, все в соплях.

Да, на ледовых здесь полях

Бывает, есть такое дело,

Не рулят бабки НХЛа.

Мне на плечо легла рука:

Вадим, чикагского Санька

Луганский, кажется, дружище,

Мне говорит: «Давай на тыщу

Забьем с тобой, дружок, пари?

Поэт, что хочешь говори,

Но на полтиннике по лыжам

Я наших три медали вижу!»

Посторили, я проиграл.

Медали наши, он не врал.

Наш, русский пьедестал.

Красиво.

Сегодня я плачу за пиво.

За стол к нам все

попасть готовы,

Маринка с Жанной из Ростова

В наш круг болельщицкий

влились,

Мы по-русски обнялись,

Ведь спорт же —

праздник оптимизма,

А после не без фанатизма

Мы целовались, как фанаты,

И я, почти уже женатый,

Им говорил:

«Девчонки, клёво,

Что вы на тачке от Ростова

Сюда сегодня добрались».

Детали: мы не напились,

К разврату не было ни шага,

Ну разве Сашка из Чикаго

На что-то тонко намекал.

А что поделаешь? Накал

Зашкалил околоспортивный.

Короче, было позитивно.

Он обижался, бедолага,

Что «Чемодан—вокзал—

Чикаго!»

Ему скандировал весь зал,

И все, конечно, были рады

Течению Олимпиады,

Ведь состоялось! Получилось!

Тут, кстати,— всё.

Она закрылась,

Легла в историю и книжки

Слезано

олимпийской мишки.

Первые на Марсе

На успешное окончание космической олимпийской экспедиции

МОСКОВСКИЙ КЛАСТЕР

НИКОЛАЙ ФОХТ

Спецкор «Русского пионера» НИКОЛАЙ ФОХТ задается вопросом: почему же грустно, когда должно быть весело? И отвечает замысловатой метафорой.

Конечно, грустно. Непонятно почему?

Ну как, скажут, непонятно почему. Праздник закончился, так всегда

бывает — опустошение, возможно, запой и гиподинамия.

Да нет, отвечу. Первая это Олимпиада, что ли? Да и последние дни приносят только радость. Смогли биатлонисты подстрелить золото, досюничик Вик Уайлд проявил русский характер и не сдался в полуфинале, лыжники вообще пробежали идеально.

Вот бобслеисты только что четверку выиграли!

Но ведь уже накануне защемило сердце, вялость наметилась в мышцах. Непонятно.

Неужели это вечное наше от добра добра и ложка дегтя? Ведь не от того же грусть, что пять золотых завоевано натурализованными россиянами или при решающем участии таковых? Да ни фиги. Я же человек советский, я в действительности кино «Цирк» смотрел, а там ясно сказано, что нам все равно какие, черные, белые или серо-буро-малиновые. Тем более корейца мы с травмой взяли, а американца без денег.

Может, я грущу, потому что скоро в Москву все вернутся и опять пробки?

Может быть, но справедливости ради надо сказать: и в эти радостные дни столица родины не сдавалась, трафик исправно вставал на свое место в самые неподходящие моменты.

Может, я это все-таки из-за потраченных миллиардов, может, за казну обидно? Вряд ли. Мне не жалко потраченных денег. Даже я знаю: не вложись шальные деньги во что-нибудь недвигимое — разлетятся без пользы. А тут столько потенциальной пользы намечается, что и не сосчитать. Если эту выгоду проморгать — вот настоящее преступление, ошибка и идиотизм.

Может, из-за хоккеистов? Ну уж это точно нет, еще чего.

Так в чем дело-то? Да не знаю... У меня странная ассоциация: это как путешествие на Марс. Колонизация Красной планеты. Полная неизвестность в начале... Нет, почему неизвестность — в основном неутешительные прогнозы: мол, нет жизни на Марсе, не святят нам марсианские сады с яблоками, ни там воды, ни золота. И этот долгий путь, где две недели за год, — в темноте неизвестности, с незапланированными поломками, с нештатными ситуациями. И когда вроде паника должна начаться, когда вне игры один из двигателей, на который так рассчитывали, наш международный экипаж сигнализирует: вижу Марс, вижу все, что надо для хорошей посадки.

И отстали остальные корабли, мы первые.

Грустно, что это путешествие в один конец. Все члены экипажа останутся там, на Олимпе, на Марсе, навсегда. Возделывать планету, добывать кислород, разбивать огороды, чтобы сюда не боялись лететь новые экипажи.

Время только вперед, по прямой, ничего не повторяется и не возвращается.

Да, согласен, замысловатая и не очень корректная метафора. Но разве не похожа наша нынешняя команда на первопроходцев, пионеров? Не они ли раздвинули горизонты и научно доказали, что мы первые на Марсе? Не американцы, не норвежцы и даже не немцы (китайцы вообще провалили свою космическую программу) — мы.